

НОВАЯ РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА.

Въ послѣднемъ, имѣющимъ въ ближайшее время появиться, изданіи «Исторія новѣйшей философіи» (въ составѣ извѣстнаго учебника «Исторія Философіи» Ибервега), въ которое намъ удалось заглянуть до его выхода въ свѣтъ, въ главѣ о русской философіи говорится, что Россія перестала существовать, какъ культурное государство, и что поэтому философское творчество въ ней прекратилось. Это сужденіе редактора новаго изданія учебника Ибервега, Проф. Oesterreich-а не только глубоко оскорбительно для нашего національнаго сознанія, но, конечно, и по существу совершенно невѣрно. Съ такимъ же примѣрно правомъ можно было бы утверждать, что съ концомъ государственной самостоятельности древней Греціи прекратилась греческая философія, и на этомъ основаніи игнорировать или исключать изъ состава греческой философіи грандіозное явленіе александрийской философіи, которая творилась греческимъ духомъ въ «разсѣяніи», въ предѣлахъ римской имперіи. И русская философская мысль, какъ извѣстно, жива въ русскомъ разсѣяніи, не собирается погибать, и есть всѣ основанія вѣрить, что ея традиціи переживутъ крушеніе Россіи, какъ «культурнаго государства»; объ этомъ не мѣшало бы знать нѣмецкимъ обозрѣвателямъ современной философіи. Но вотъ, изъ нѣдръ самой совѣтской Россіи до насъ дошли вышедшіе тамъ труды московскаго философа А. Ф. Лосева, свидѣтельствующіе о томъ, что и тамъ, несмотря на ужасающее давленіе казеннаго марксистскаго матеріализма, философское творчество еще не замерло и что плоды его — хотя вѣроятно и съ величайшими трудностями — могутъ даже появляться въ свѣтъ. А. Ф. Лосевъ издалъ (въ изданіи автора) сразу три обширныхъ ученыхъ изслѣдованія: «Философія имени», «Античный космосъ

и современная наука» и «Діалектика художественныхъ формъ» (всѣ въ текущемъ 1927 году. Послѣдняя книга до насъ не дошла, и намъ были доступны только первыя двѣ). Центральной работой является среди нихъ, очевидно, «Философія имени», въ которой изложена собственная философская система автора. Будучи первоначально, очевидно, послѣдователемъ феноменологіи Гусерля, онъ, опираясь на діалектическія построенія Платонова «Парменида» — и на дальнѣйшую ихъ разработку у Плотина и Прокла, преобразуетъ феноменологію въ универсальную «діалектику», которая для него совпадаетъ съ философіей вообще и которую онъ рѣзко противопоставляетъ господствующей «метафизикѣ» (разумѣя подъ послѣдней, очевидно, по Гегелевскому образцу, «разсудочную метафизику», и включая въ нее же не только «метафизику» въ обычномъ смыслѣ слова, но и даже не только матеріализмъ, но и позитивизмъ и критицизмъ). Вообще вліяніе духа Гегеля въ этомъ построеніи чрезвычайно велико, хотя авторъ нигдѣ не упоминаетъ Гегеля и умышленно старается связать свои идеи только съ принципами античной діалектики. Многія страницы «философіи имени», въ которыхъ категоріи діалектически порождаютъ другъ друга, поразительно напоминаютъ Гегеля, — да и по трудности, сложности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тонкости работы абстрактной мысли послѣ «Феноменологіи духа» Гегеля едва ли найдется много примѣровъ философскихъ построеній, подобныхъ системѣ Лосева. Иногда даже искушенный въ философіи читатель вынужденъ въ досадѣ прекратить чтеніе, переставая понимать автора. Достаточно указать, что анализъ природы «имени» или «слова» приводитъ у автора къ расчлененію въ немъ 67 категорій, объемлющихъ всю систему бытія.

Въ этой громоздкости понятій и соответствующей громоздкости языка, мѣстами для анализа тончайшихъ смысловыхъ различій дѣйствительно нужной, мѣстами же и излишней, чувствуется какой то задоръ отвлеченной философской мысли, который въ нашъ вѣкъ презрѣнія къ чистой мысли, философскаго огрубѣнія и опрощенія, охотно прощаешь автору, въ особенности пому, что за ней ощущаешь вѣяніе истинно творческаго философскаго пафоса, иногда достигающаго высокаго подема и въ самомъ литературномъ стилѣ книги. Здѣсь нѣтъ возможности разбирать саму систему автора. Кратко и популярно резюмируя его почти безконечно сложное и абстрактное построение, можно сказать, что для автора и м я, будучи какъ бы мѣстомъ встрѣчи между «смысломъ» человѣческой мысли и имманентнымъ «смысломъ» самого предметнаго бытія, есть въ своемъ послѣднемъ завершеніи, выраженіе самого существа бытія. Все въ мірѣ, включая и мертвую природу, есть «смысль», и потому философія природы и философія духа объединяются въ философіи «имени», какъ самообнаруженіи смысла. Имя въ своемъ завершеніи есть «идея», улавливающая и выражающая «эйдосъ» существо предмета. Послѣднюю полноту и глубину имя обрѣтаетъ, когда оно объемлетъ и сокровенный «апофатическій» слой бытія; тогда оно раскрывается, какъ «мифъ», который есть не вымыселъ, а напротивъ, послѣдняя полнота, самораскрытие и самопознаніе реальности. Философія имени совпадаетъ, такимъ образомъ, съ діалектикой самопознанія бытія и, тѣмъ самымъ, съ самой философіей, ибо «имя», понятное онтологически, есть высшая вершина бытія, достигаемая его имманентнымъ самораскрытіемъ.

Книга Лосева имѣетъ явныя точки соприкосновенія съ идеями Флоренскаго о «магіи слова» и, очевидно, вышла изъ того же круга идей. Авторъ не дѣлаетъ послѣднихъ конкретныхъ выводовъ изъ своего построенія, но они напрашиваются

сами собой. Изъ всего контекста ясно, что для автора его идеи имѣютъ не только отвлеченно-теоретическое значеніе, но и складываются въ конкретно-жизненное міропониманіе, въ центрѣ котораго стоитъ идея свѣта истины, какъ живого сущаго начала.

Вторая книга автора «Античный космосъ и современная Наука» тѣсно связана съ первой и есть, собственно, дальнѣйшая ученая разработка одного отдѣла первой книги, именно діалектики бытія. Заглавіе книги не вполне соответствуетъ ея содержанію. О «современной наукѣ» въ ней почти ничего не говорится, и даже тема «античный космосъ» производна въ отношеніи основной темы, которая есть именно античная діалектика Платона, Плотина и въ особенности Прокла; привлечена также и литература христіанскаго платонизма (въ особенности Діонисій Ареопагитъ). Авторъ опирается на огромную и подлинную эрудицію, онъ обнаруживаетъ себя едва ли не лучшимъ русскимъ знаткомъ античной философіи. Притомъ эрудиція эта — не внѣшняя, а служитъ цѣликомъ внутреннему, предметному усвоенію и раскрытію идей античнаго міросозерцанія.

Въ обѣихъ книгахъ есть отдѣльныя досадныя мѣста, въ которыхъ авторъ какъ будто платитъ дань господствующему «духу времени»; но эти мѣста органически ничуть не связаны со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ его идей. На нихъ нѣтъ надобности останавливаться; «дань» это есть очевидно дань невольная.

Своими книгами авторъ несомнѣнно сразу выдвинулся въ рядъ первыхъ русскихъ философовъ и — повторяемъ еще разъ — засвидѣтельствовалъ, что и внутри Россіи живъ духъ истиннаго философскаго творчества, пафосъ чистой мысли, направленной на абсолютное — пафосъ, который самъ есть въ свою очередь свидѣтельство духовной жизни, духовнаго горѣнія.

С. Франкъ.